

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 283

3 NOVEMBRE 1950

Des Nouvelles Russes

ВЫХОДИТ ПО ПЯТНИЦАМ

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

СРЕДНЕЕ АРМЬЕ

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

25 frs

РЕДАКТОР А. ● СТУПНИЦКИЙ Адрес Редакции и Кантеры : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél. : CEN. 44-27. Rédacteur en chef A. Stoupnitsky

ВТОРЫЕ ПОХОРОНЫ ЧЕХОВА

Н. Телешов

Ровно тридцать лет пролежал в могиле на кладбище Новодевичьего монастыря цинковый гроб, прибивший с германской границы. При похоронах его засыпали сначала свежей землей, а сверху земли множеством цветов, зелени и лавров. Потом, через некоторый срок, поставили памятник. Потом на этом памятнике стали разные почитатели писать разные хорошие слова. Потом, с течением времени, среди хороших слов стали появляться и не очень хорошие, не имевшие, к счастью, никакого отношения к самому Чехову. Эти надписи, как хорошие, так и дурацкие, ежегодно весной смывались, а иногда и скоблывались с гранита. Но к зиме камень вновь покрывался надписями.

И вот через тридцать лет без нескольких месяцев, 16-го ноября 1933 года, в час дня, собралось возле могилы несколько человек. Здесь были немногие артисты Художественного театра — Книшнер-Чехова, Москвин, Вишневский, были члены президиума Чеховского общества, фотограф, несколько родственников и знакомых. День выдался очень студеный, совершенно зимний, с колючим снегом и ледяным ветром.

Почти три часа потребовалось для того, чтобы отбить застывшую землю и выбросить ее на снег. Терпеливо и безмолвно стояли соображившие долгое время. Какое-то жуткое настроение мешало разговаривать. А землю все копали и копали под налетами сухого, жгучего ветра. Уже зимние ранние сумерки начинали нависать, когда, наконец, торчали до цинковой

Как известно, тело скончавшегося в Баденвейлере А. Чехова было доставлено в Москву и предано земле на кладбище Новодевичьего монастыря. Однако, мало кто знает, что это место упокоения писателя оказалось не последним: в ноябре 1933 года прах его был перенесен в другую могилу, на вновь оборудованном участке того же Новодевичьего кладбища, отведенном специально для писателей и артистов.

В своих воспоминаниях (отрывки из которых мы имели случай приводить) Н. Телешов красочно описывает трагическую сцену этих "вторых похорон" Чехова.

крышки и начали подводить канаты, а затем, с немалыми трудностями, вытянули из ямы на поверхность, на белый снег, сильно помятый серый гроб и поставили его на деревянные салазки, кое-как сколоченные из тесовых остатков.

Но Москвин возразил:

— Нет, товарищи, давайте понесем на руках.

И первый взялся за металлическую скобу гроба.

Так, со старого, упрямистого кладбища, в торжественном безмолвии перенесли мы на руках на новое кладбище того же бывшего монастыря прах писателя туда, где Художественному театру отведена большая площадь, засаженная вишневыми деревьями, цветущими весной. В этом «вишневом саду» была уже приготовлена новая могила, вблизи аллеи с могилами артистов, а также писателей, умерших за последние годы; сюда же перенесен был недавно из бывшего Данилова монастыря прах Гоголя.

Молча поехали мы к новой — второй — чеховской могиле. Гроб перед спуском стоял уже на помосте. Вдруг один из могильщиков наклонился к изголовью и начал отщипывать листы цинка, трухлявые от времени. Ключья отдирались легко, точно старый картон. В боку гроба быстро

образовалось отверстие. Заглянув в него, могильщик сказал довольно громко, очевидно, для всех:

— Одежда цела. И весь он цел. И волосы к черену прилипли.

Тогда в ответ раздались голоса:

— Оставьте его в покое. Не трогайте. Закройте!

Кто-то подал сейчас же кусок дерева, чтобы загородить продранный щель, и гроб начали опускать. Быстро и безмолвно засыпали яму, над которой вырос небольшой земляной холмик. В торжественном молчании прошло несколько минут. Жесткой снежной крупой быстро стал покрываться он, точно белой пеленою. Затем все молча разошлись по своим делам, по своим домам. Ранние зимние сумерки нависли над городской окраиной.

Возвращаясь с кладбища, я вышел на трамвай у памятника Пушкину. Я остановился перед ним и невольно снял с головы на минуту шапку. Мне подумалось: «От одного великого писателя — к другому великому писателю...»

И вспомнились мне слова третьего великого писателя, Льва Николаевича Толстого, который со свойственной ему определенностью говорил:

— Чехов, это — Пушкин в прозе.